

УДК 304.42

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-115-125

Коллективные права в модели мультикультурализма У. Кимлика

И. С. Тарбастаева

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются основные положения концепции коллективных прав в модели мультикультурализма У. Кимлика. В либерализме, несмотря на выраженную в нем индивидуалистическую позицию, содержатся авторитетные теории, доказывающие значимость коллективных прав. Согласно У. Кимлику, данная категория прав не противоречит идеологии индивидуализма, а, наоборот, представляет собой выражение политической рациональности, поскольку коллективные права дополняют и развивают механизм защиты интересов конкретной личности.

Ключевые слова

либерализм, коммунитаризм, индивид, У. Кимлика, коллективные права, индивидуальные права, этнокультурные сообщества

Для цитирования

Тарбастаева И. С. Коллективные права в модели мультикультурализма У. Кимлика // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 115–125. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-115-125

© И. С. Тарбастаева, 2019

Collective Rights in W. Kymlicka's Multiculturalism Model

I. S. Tarbastaeva

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the main provisions of the conception of collective rights in the model of multiculturalism by William Kymlicka. Despite its pronounced individualistic position, liberalism contains acknowledged theories that prove the importance of collective rights. According to W. Kymlicka, this category of rights does not contradict the ideology of individualism, but, on the contrary, is an expression of political rationality. This is so, because collective rights complement and develop the mechanism for protecting the interests of a particular person.

Keywords

liberalism, communitarianism, individual, W. Kymlicka, collective rights, individual rights, ethno-cultural communities

For citation

Tarbastaeva I. S. Collective Rights in W. Kymlicka's Multiculturalism Model. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 115–125. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-115-125

Развитие либеральной философии связано с двумя концепциями. Это концепции естественного права (доктрина прав человека) и позитивного права (нормативное законотворчество). После выхода в 1971 г. работы Дж. Ролза «Теория справедливости» в либеральной философии наступил момент полной согласованности обеих концепций (естественного и позитивного права) [Ролз, 2010]. Идея «нормативной справедливости» Дж. Ролза представляла одинаковую ценность и для общей философии, и для правовой теории (юридической техники). Об этом пишет, в частности, крупнейший либеральный теоретик права Р. Дворкин [2004]. Наступил непродолжительный период торжества либеральной философии в определенных политических кругах, ибо 1980–1990 гг. стали новым периодом

беспощадной критики основных положений либеральной философии. В современных исследованиях этот период выступает как «либерально-коммунитарный спор» [Политическая наука, 1999]. Новые критики («коммунитаристы») оспаривают главную концепцию либерализма – идею «автономного индивида», на основе которой любое юридическое действие рассматривается как защита прав и свобод «конкретного человека» (единичного субъекта). Коммунитаристы используют двойную стратегию аргументации – с одной стороны, критикуется идея «автономного индивида» за ее абстрактный и спекулятивный характер, с другой стороны, по их мнению, концепция «индивидуальных прав» оказывается явно недостаточной для построения нормативной юридической теории, применение которой на практике позволяет решить все возникающие правовые вопросы. Коммунитаристы считают, что понятие «индивидуальных прав» должно быть дополнено (или даже поглощено) понятием «коллективных прав». Рассмотрим основные положения этой дискуссии.

Фундаментальное различие между либерализмом и коммунитаризмом проявляется в ответе на вопрос «Что такое человек?». Если для сторонников либерализма существует только «автономный индивид» (преследующий исключительно свои цели), то для представителей коммунитаризма исходным пунктом становится существование общины (*communis*), и человек в первую очередь выступает как член некоего сообщества.

Идеи либерализма напрямую связаны с определением И. Кантом человека как «автономного рационального морального субъекта», который сам задает нормы, правила и цели своего существования (так называемая позиция «трансцендентального субъекта») [Кант, 1995. С. 289].

Идеи же коммунитаризма можно возвести к определению, данному еще в Античности Аристотелем, что человек является по преимуществу «социальным (общественным) животным», и все его остальные характеристики вторичные и случайные, тогда как «принадлежность к сообществу» дает базовые, определяющие человека качества [1983. С. 451].

Модель человека как разделяющего с другими людьми «ценности общего существования» задает презумпцию самобытной значимости существ-

вующих сообществ. Во-первых, общество предшествует человеку по факту своего существования, поскольку люди не создают общество с «нуля»: всегда есть преемственность. И в этом смысле человек никогда не создает свои «личные» ценности с «нуля». Во-вторых, бытование и жизнеспособность того или иного сообщества напрямую свидетельствуют о ценности тех убеждений, которые разделяют все члены этой социальной группы. В-третьих, речь идет именно о системе убеждений («культуре»), т. е. согласованности и непротиворечивости ценностей того или иного сообщества. В-четвертых, важно подчеркнуть, что рассматриваются именно «общественные ценности», в одинаковой степени определяющие систему жизненных координат для всех членов данной группы.

Либералы не признают культурного релятивизма, а полагают, что рациональность (разумность человека) всегда одна и та же, она имеет вневременной и внекультурный характер. Но что такое «культурные различия», как не расхождения в ценностных установках культур, видах и типах культурных благ. Получается, что либерализм отрицает историческую сменяемость систем культурных благ. Остается только один значимый либеральный принцип – той самой «справедливости» Дж. Ролза. Отсюда и возникает либеральное выражение «справедливость превыше блага» [Ролз, 2010]. Но ситуация осложняется тем, что понятие «нормативной справедливости» Дж. Ролза задает «нормы распределения» любых активов, ресурсов или благ. Таким образом, либералы предпочитают не обсуждать ценность или значение какого-либо блага, но сосредотачивают внимание на механизме их распределения. Благо не обладает ценностью само по себе, таковой они полагают его справедливое распределение на основе принципа «равенства». Отсюда два принципа либерализма – «свобода» и «равенство». Возникает странная ситуация, когда либерализм отказывается обсуждать, (сравнивать и оценивать) «культурные блага», их значение и роль. Но взамен предлагаются «справедливость», «свобода» и «равенство» как важнейшие принципы или, можно сказать, квазиблага.

Критики либерализма – коммунитаристы – и дают характеристику этой ситуации как универсалистской, абстрактной, спекулятивной и в конечном счете абсурдной. Позиция коммунитаризма заключается в попытке изме-

нить ситуацию – перейти от обсуждения «формально-абстрактных вопросов распределения» к анализу конкретных культурных форм бытования того или иного сообщества. Такой теоретико-методологический разворот от обсуждения «формы» к «содержанию» тех или иных культурных ценностей получил название «мультикультурализм».

Считается, что история коммунитаризма начинается с публикации в 1982 г. книги американского ученого М. Сандела «Либерализм и пределы справедливости» [Sandel, 1982]. Однако основная дискуссия по вопросам мультикультурализма состоялась только через десятилетие, в начале 1990-х гг., и была связана с именами двух известных ученых – Ч. Тейлора (коммунитаризм) и У. Кимлика (либерализм). Отметим, что позиция У. Кимлика во многом формируется как реакция на критические замечания Ч. Тейлора. При этом У. Кимлика старается избегать термина «мультикультурализм», фиксируя его использование за коммунитаризмом, и предпочитает свою позицию определять как «либеральный культурализм», который может выступать в качестве «либеральной концепции мультикультурализма» [Кимлика, 2010. С. 432].

По словам У. Кимлика, «либеральный культурализм» отличается от широко понимаемого «мультикультурализма» тем, что не только пытается уменьшить «уязвимость» одних социальных групп по сравнению с другими, но и «защищает свободу индивида внутри группы» [Там же]. Понятие «мультикультурализм», как отмечает У. Кимлика, все чаще используется в качестве «зонтичного термина», описывающего целый ряд различных проблем. Иначе говоря, необходимо уточнить, в каком смысле следует использовать это понятие. Например, в США принято употреблять термин «мультикультурализм» для описания проблем всех «репрессируемых» групп, т. е. рассматривать проблемы не только «этнокультурных групп, но также женщин, гомосексуалистов и лесбиянок, инвалидов и т. д.». Напротив, в таких странах, как Австралия и Канада, этот термин используется только в отношении «адаптации групп иммигрантов, но не других этнокультурных групп, например, австралийских аборигенов» [Там же. С. 433].

Прежде всего, У. Кимлика обращает внимание на то, что если человек есть «социальное животное», как утверждают коммунитаристы, то социальные группы бывают разные, и сами люди попадают в сетку множественных социальных отношений. Однако в его подходе не каждая социальная группа способна задать вектор развития личности, выступить определяющим маркером его жизненного пути. Одними из таких групп являются этнические сообщества, в которые индивид оказывается включен с момента рождения [Кимлика, 2010. С. 421]. У. Кимлика пишет: «...не все особые права для разных групп являются коллективными, и даже те, что являются ими в том или ином смысле, не обязательно свидетельствуют о “коллективизме”» [Там же. С. 427]. Поэтому исследователь выступает за значимость коллективных прав, которые не сводятся и не могут сводиться только к множеству прав составляющих его индивидов, т. е. к индивидуальным правам. И значит, речь идет уже о существовании юридического субъекта коллективных прав. Он пишет: «...интересы сообществ не могут быть сведены к интересам их индивидуальных членов» [Там же. С. 425].

Следует отметить, что в классических либеральных концепциях относятся очень подозрительно к коллективным субъектам права – «коммунитаристским группам», считая часть их фиктивными группами без коллективной идентичности. У данных групп не может быть коллективных прав, поскольку нет субъекта коллективных прав, есть только индивиды без общей идентичности. Во-первых, получается, что «корпоративная идентичность групп» есть всего лишь «фиктивная идентичность», когда речь идет только о «воображаемом сообществе», между членами которого существуют «воображаемые связи». Во-вторых, не существует «коллективного субъекта» этих прав, есть только множество индивидов, скоординировавших своих действия, но действующих не в интересах существующего сообщества, а представляя свои эгоистичные индивидуальные предпочтения и запросы на их удовлетворение. Это классический пример защиты индивидуальных прав без наличия коллективных целей, так настойчиво отрицаемых в либеральной теории права, когда есть «интересы многих», но нет «общего интереса» [Дворкин, 2004. С. 13].

Вот как пишет об этом Ф. Петтит: «...либерализм – это широкая церковь, включающая как левых либералов, так и либертарианцев», ведь те и другие используют одну концептуальную модель “совокупность индивидов – инструмент, содействующий удовлетворению индивидуальных потребностей” [2016. С. 44]. Все либералы, по мнению этого исследователя, склонны «считать народ совокупностью атомизированных индивидов, не имеющих коллективной идентичности, и изображают государство как лишь инструмент, помогающий индивидам решать их атомизированные проблемы» [Там же]. Остается только добавить, как пишет Дж. Грей, что «в работах самого Ролза и в работах всех его последователей, индивид – это некая нулевая величина, лишенная истории и национальности, не имеющая каких-либо привязанностей, того, что в реальном мире определяет нашу идентичность» [2003. С. 19].

Тем не менее коллективные права в мультикультурной модели все-таки концептуализированы. Так, У. Кимлика коллективные права подразделяет на две группы: «внутренние ограничители» (спланирующие группу, направленные на поддержание «групповой солидарности») и «внешние защиты» (для защиты от внешнего давления – экономических или политических факторов) [2010. С. 431]. Такое различие в коллективных правах позволяет ему «включить» «коммунитаристские группы» в число либеральных проблем. Важным обоснованием данных прав является то, что они, по У. Кимлику, дополняют права индивидуальные, права, поскольку касаются «неартикулированного знания» о «добродетельной жизни», связанного с проявлением «взаимного уважения» и «гражданской дружбы» [Там же. С. 372–373]. Коллективные права в большей степени направлены на уменьшение уязвимости меньшинства: с их помощью можно создать более равные условия для данных групп. Согласно предположениям У. Кимлика – групповые права меньшинств не противоречат идеологии либерализма, если они защищают автономию индивида внутри группы и способствуют выравниванию отношений между группами. Он справедливо отмечает: «сегодня этнические группы, как и многие другие ранее дискриминируемые группы (женщины, геи, инвалиды), требуют уже боль-

шего, чем известные индивидуальные права. Они хотят не только общегосударственных прав, но также особых прав, которые позволили бы признать и принять их особые этнокультурные практики и идентичности» [Кимлика, 2010. С. 435].

У. Кимлика аргументирует, что традиционные индивидуальные права человека не могут разрешить большинство важных противоречивых ситуаций, определяемых интересами культурных меньшинств. Среди примеров таких ситуаций: второстепенная роль языка меньшинства в образовании, названиях территорий и государственный контроль над природными ресурсами. Мы солидарны с тем, что эти ситуации тесно связаны с интересами коренных народов, и они не могут быть разрешены исходя из общих либеральных принципов прав человека. Он предлагает реализацию следующих специфических групповых прав для них: право на самоуправление; права, защищающие культуру этнических групп и религиозных меньшинств; и право на представительство. Эти коллективные права в модели У. Кимлика могут сочетаться с индивидуальными правами.

Коллективными правами, по его мнению, обладают пять видов этнокультурных групп: национальные меньшинства, коренные народы, иммигранты, расовые и этноконфессиональные группы [Там же. С. 423]. Эти группы имеют культурные права, но судьба и динамика развития этих прав будет различной. Эволюция «культурных прав» этих групп будет зависеть от трех факторов:

а) от выбора одной из пяти стратегий противостояния «либеральному национализму»;

б) от способности перейти от этнической общности к национальному государству и начать развивать «социетальную культуру»;

в) от расстановки приоритетов в защите своих «коллективных прав» (ставки на развитие «внутренних ограничений» или «внешней защиты») [Там же. С. 440, 438].

Следует отметить, что коллективные права в моделях мультикультурализма не предполагают закрепощение индивида. Если «классическое либеральное общество» теперь определяется как «общество, где есть разнообразные юрисдикции и властные институты, но ни один из которых не

обладает тотальной, иерархической формой власти над другими», то «социальные акторы должны иметь возможность покинуть любую группу, к которой они присоединились добровольно или в которую были «включены от рождения» на недобровольной основе» [Пеннингтон, 2014. С. 15]. Таким образом, этнокультурные сообщества (куда люди «включены от рождения на недобровольной основе») должны неукоснительно соблюдать только один фундаментальный либеральный принцип – «свободу объединения и отделения (freedom of association and dissociation)» [Там же]. На практике трудно представить, что человек может отказаться от «убеждений» своей этнокультурной группы.

В заключение отметим, что модель У. Кимлика привлекает внимание желанием автора выйти в своем теоретизировании из ученых кабинетов, обращаясь к требованиям конкретных социальных групп. Либеральная теория предлагает абстрактные и общие замечания, тогда как мир состоит из различных сообществ, каждое из которых преследует собственные интересы. Ответить на подобного рода критику и пытается У. Кимлика, которого интересует дифференцированное описание социальной реальности. По его мнению, либерализм не может обеспечить полную культурную нейтральность, и этнические меньшинства под давлением большинства неизбежно будут терять свой этнокультурный облик. Поэтому он справедливо предлагает мультикультурную модель включения коллективных прав в демократические западные режимы. В настоящий момент представленные позиции У. Кимлика являются одними из самых авторитетных в либеральной философской мысли по вопросам управления и сохранения культурного многообразия. Следует добавить, что представленная У. Кимликом позиция в части устойчивости этнокультурных сообществ и желания индивидов жить в культурном контексте своей группы подтверждается выводами исследователей новосибирской научной этносоциологической школы.

Список литературы / References

- Аристотель.** Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644.
- Aristotle.** Politika [Politics]. In: Aristotle. Sochineniya [Writings]. In 4 vols. Moscow, Mysl Publ., 1983, vol. 4, p. 376–644. (in Russ.)
- Грей Дж.** Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. Г. В. Каменской. М.: Праксис, 2003. 366 с.
- Gray J.** Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate so-vremennosti [Commemoration of the Enlightenment: Politics and culture in the sunset of modernity]. Moscow, Praxis Publ., 2003, 366 p. (in Russ.)
- Дворкин Р.** О правах всерьез / Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 389 с.
- Dvorkin R.** O pravah vser'ez [About Rights Seriously]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 389 p. (in Russ.)
- Кант И.** Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. СПб.: Наука: Санкт-Петербург, 1995. 528 с.
- Kant I.** Osnovy metafiziki нравственности; Kritika prakticheskogo razuma; Metafizika нравов [The foundations of the metaphysics of morality; Criticism of the practical mind; Metaphysics of manners]. St. Petersburg, Nauka, 1995. 528 p. (in Russ.)
- Кимлика У.** Современная политическая философия. Введение / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высш. шк. экономики, 2010. 588 с.
- Kimlika U.** Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie [Modern political philosophy. The introduction]. Moscow, High School of Economics, 2010, 588 p. (in Russ.)
- Пеннингтон М.** Классический либерализм и будущее социально-экономической политики / Пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2014. 451 с.
- Pennington M.** Klassicheskii liberalizm i budushchee sotsial'no-ekonomicheskoi politiki [Classical Liberalism and the Future of Social and Economic Policy]. Moscow, Mysl Publ., 2014, 451 p. (in Russ.)

- Петтит Ф.** Республиканизм: теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 486 с.
- Pettit F.** Respublikanizm: teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya [Republicanism: the theory of freedom and government]. Moscow, Gaidar Institute Publ. House, 2016, 486 p. (in Russ.)
- Политическая наука: новые направления** / Пер с англ.; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 814 с.
- Politicheskaya nauka: novye napravleniya** [Political Science: New Directions]. Ed. by R. Gudin, X.-D. Klingemann. Moscow, Veche Publ., 1999, 248 p. (in Russ.)
- Ролз Дж.** Теория справедливости / Пер. с англ. В. В. Целищева. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 534 с.
- Rolz Dzh.** Teoriya spravedlivosti [Justice theory]. Moscow, URSS Publ., 2010, 534 p. (in Russ.)
- Sandel M.** Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1982, 183 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

13.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Тарбастаева Инна Семеновна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Inna S. Tarbastaeva, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Inna-tarbastaeva@yandex.ru